

Архипова

Больше всех в школе меня раздражает Архипова. Не то чтобы с первого дня. Целых четыре года я ее не замечал, но осенью в девятом классе ее вдруг стало много. Активистка, староста, отличница, зубрила, зануда, косоглазая. Последнее — неправда, нормально все у нее с глазами, уголки только так слегка сужены, и все. Мама ее с Дальнего Востока, дедушка когда-то пешком пришел в Россию из Кореи, а отца ее никто и не видел никогда. Не суть. Глаза у Архиповой красивые... обычные, то есть, нормальные у нее глаза.

Бесит, когда она из себя гения строит. Учитель вопрос закончить не успеет, а она со своей первой парты уже рукой у него перед носом машет. Есть ли желающие параграф пересказать? Архипова. К доске уравнения пойти решать? Архипова. Внепланово на дежурство остаться? Архипова. От правильности ее тошнит не меньше, чем от навязчивых вопросов. Химичка нас отпустить пораньше собирается, так Архипова тут же вылезает: «А можно ли сделать так? А что будет вот этак?». Уже и звонок звенит, и драгоценные минуты перемены убегают, а мы всем классом ждем, когда Архипова наговорится.

Еще бесят ее эти книги бесконечные: везде-то она с ними. На большой перемене она читает на подоконнике в коридоре на третьем этаже. Я сам прохожу там в спортзал, с ребятами мячик побросать. Иду туда — она сидит, глазами шоколадными по строчкам лихорадочно бегает, ногой машинально покачивает и ноготь на большом пальце руки кусает. Обратно возвращаюсь — все еще в той же позе, страницами шуршит, ресницами подрагивает. Меня не замечает.

У Архиповой вообще с внимательностью проблемы. Когда я трехочковый в кольцо кладу или слэм-данк делаю на перемене перед физрой, все одноклассники улюлюкают — Архипова, как всегда, на скамейке у раздевалки сидит, книжку листает. А в ноябре на городской эстафете, когда мне золотую медаль на грудь вешали, Архипова шнурки помогала какому-то первоклашке завязывать. Зачем вообще болеть за школу приходила?

А одевается как? Девчонки все стильные: от принтов и декольте глаз не оторвать — Архипова в одних и тех же штанах бесформенных весь год ходит, выглядит в них максимально не трендово. И на физре бессменная застиранная футболка с Микки Маусом. А ведь у нас «Спортмастер» от школы в десяти минутах.

А еще привычка есть у Архиповой дурацкая. Она, когда на контрольной в мыслях своих потеряется, ручку грызет. Засунет в рот, туда-сюда языком гоняет, а потом губы вытянет вперед трубочкой так, что на щеке ямочка появляется. Мне всегда от этого зрелища не по себе: в жар бросает, грудь сдавливает так, что дышать тяжело, щеки горят. Грызет она, а стыдно почему-то мне. Я глаза скорее в книгу прячу, но дальше читать не могу, буквы все по странице расплываются, только «А» навязчивая остается, потом «Р» в 3Д отлепляется, со следующего разворота «Х» подтягивается... Срываюсь и снова искоса смотрю на Архипову: ямочка на месте, губы приоткрыла и ручку между зубами растирает, затем хватает ее, пишет лихорадочно, а сама, я вижу, губу нижнюю закусывает и жует. Теперь вот и живот сводит, до тошноты. Зачем вообще посмотрел? В октябре как заметил в первый раз, так с тех пор развидеть не могу, но все равно проверяю каждый раз: не грызет ли? Не пора ли за нее краснеть? Два тройка уже успел схватить на контрольных. Мать ругала. А я при чем? Все Архипова.

В классе дружить с ней считается странным. Была у нее вроде подружка (еще в то время, когда я не замечал ее и краснеть за нее не приходилось), но вроде как переехала. Архипова считается у нас фриком: одевается старомодно, всех дичится, в глаза не смотрит, учится на одни пятерки, а списать никогда не дает. Общается в основном с учителями и книгами. А еще с Харитоновым из 8-го «Б». Он хоть и младше нас на год, но чистый лось: широкий и толстый. Лицо у него, как у младенца-переростка, губы пухлые, как сосиски. Никто с ним связываться не хочет: такой в нокаут отправит одним ударом, долго раздумывать не будет. Да и не похож он на думающего так-то. В общем, с Харитоновым этим Архипову трогать никто не решается. Может, поэтому они и дружат?

Вижу иногда в библиотеке, как он ей книги с верхних полок достает — она всегда ему в благодарность так широко улыбается, с ямочками. А когда над шутками его смеется, то иногда хватается Харитонova за локоть и пополам сгибается так, что коса ее толстая на плечо вперед падает. Харитонova она всегда внимательно слушает, поддакивает и кивает, смотрит ему прямо в глаза, не как на других. Не сквозь, не мимо, не как на пустое место.

Интересно, как вообще они умудрились подружиться? После уроков за школой она никогда не тусуется, по кружкам никаким не ходит, в парке около ее зеленой панельки никогда ее не видел, в торговом центре у вокзала тоже. Не соседи же они по лестничной клетке с этим Харитоновым?

В феврале я, прикола ради, Тане Лузик, главной по сплетням в классе, сказал: «Прикинь, Архипова на школьную дискотеку придет! Через неделю, в Валентинов день!». У Лузик сначала лицо, как гриб, сморщилось, а потом растянулось в струнку, и она заржала. «Блин, а рили любопытно. Она бы что надела, как думаешь? Футболку с Микки Маусом или какой-нибудь балахон бабушкин?» – ответила. Я про это не подумал. Подумал про то, как распустила бы Архипова свою косу вечную, и как ее волнистые волосы по плечам рассыпались, и как в них неоновые, зеленые и красные блики дискошара бы запутались. И пальцы мои тоже... Снова жарко вдруг стало, кислород кончился. Лузик что-то все говорила и смеялась, но слова ее в моих ушах звучали неприятным гулом. Потом ребята подошли, мы с ними приколом поделились, все идею оценили. Лузик обещала Архипову обработать, я, Серега и Славка, мои бро, обещали ее встретить, как звезду, и подкатить. Смеха ради.

Архипова, как обычно, выбесила: на дискотеку не пришла, прикол сорвался, и настроение у меня испортилось. Утром в понедельник я мимо парты ее шел и остановился. «Чего на дискач не пришла, Архипова? Испугалась?» — спросил и сжал в карманах похолодевшие руки в кулаки. Она от книжки неохотно глаза оторвала, куда-то рядом со мной посмотрела, хмыкнула и ответом не удостоила. Я рыкнул, “дура” сквозь зубы процедил и ушел поскорее на свое место. Архипова еще долгих две минуты пунцовая сидела и глаза из книжки не вынимала. И мне даже не стыдно, высокомерным выскочкам так и надо.

В начале апреля мы с ребятами на школьном крыльце стояли: снег стаял, градусов двенадцать тепла было, мы в футболках — выделялись. Среда была, мы ждали физрука с педсовета на баскетбол. Вдруг неподалеку раздались возбужденные крики, кто-то ругался, охи-ахи, девчачьи визги — все поспешили на шум.

– О, кажется, зубрила наша одиннадцатиклассницам под горячую руку попала! – цокнул Серега языком и головой качнул, пойдем, мол, поближе посмотрим. Я резко обернулся, выхватил глазами знакомую толстую косу. Первая мысль: *«Был ли сегодня Харитонов в школе? Вроде видел его в столовке или это вчера?»*.

Архипова стояла пунцовая, сгорбленная, крепко обнимала себя руками, смотрела в асфальт перед собой и что-то беззвучно шептала. Рядом две старшеклассницы весело ржали, вынимая из распотрошенного зеленого рюкзака с оторванной лямкой вещи Архиповой. Раскидывали в сторону ее любимые книжки, вытряхивали из пенала погрызанные ручки. *«Мы на крыльце минут пятнадцать стояли, Харитонов точно не проходил. Вышел раньше или зацепился где-то?»*

Огромная блондинка (кажется, из 11-го «А») схватила сероватый, наскоро сложенный комок и развернула перед всеми футболку с Микки Маусом. Меня толкнули, и я очнулся. Я стоял в первом ряду уже довольно плотного кольца учеников, ко мне вернулись звуки, какие-то очень громкие удары не то грома, не то гонга в ушах. Я обернулся на школу, потом заметался взглядом по лицам. *«Где же все-таки чертов идиот Харитонов?»*

Но Харитонов не появлялся. Блондинка прикинула футболку Архиповой на себя и прокричала: «Ты че, косоглазая, пижаму в школу носишь? На уроках спишь? Микки Маус?! Серьезно?». Вторая, с неестественно рыжим цветом волос и длинными накладными ресницами, тут же отбросила рюкзак и тоже вцепилась пальцами в футболку. Ткань натянулась и с громким треском порвалась. «Фу, Свет! Ты только понюхай, ну и вонь! Косоглазая, ты про дезодорант хоть слышала?»

— Хватит! — Чей-то угрожающий бас разрушил всеобщее веселье. Все замерли и уставились почему-то на меня. Серега справа присвистнул, Славка чуть заметно ткнул плечом. — Отстаньте от нее, это не смешно!

Догнав наконец свой голос, я вышел вперед. На Харитонova я не тянул, хоть рост у меня и выше среднего. Зато в школе меня все знали, даже из одиннадцатых: я, как-никак, звезда баскетбола и на городских эстафетах медальки собираю. Не боятся, но уважают, поэтому и замолчали сейчас. Странненькую Архипову, к сожалению, тоже в школе все знают, такую не спрячешь.

Я вырвал из рук старшеклассниц футболку, поднял рюкзак, начал собирать с асфальта раскиданные вещи.

— Пффф, глядите-ка, баскетболист-то наш с Архиповой снюхался? Дебил! — выдохнула блондинка, но дальше нападки не продолжила. Вдавила каблуком синюю шариковую ручку в асфальт и вместе с подругой убралась подальше. Толпа разочарованно выдохнула и стала расходиться.

Кто-то в оранжевой шапке подал мне книгу, девчонка в сиреневой куртке сложила в пенал оставшиеся ручки. Я как мог аккуратно, дрожащими руками сложил все в рюкзак, застегнул его на молнию и повесил на плечо на правую уцелевшую лямку. Архипова продолжала стоять в оцепенении, обнимая себя.

— Пойдем, Вик — Я развернул ее в сторону выхода со двора и потянул за собой.

Когда школа окончательно скрылась из виду, Архипова устало рухнула спиной на ствол ближайшего дерева, согнулась пополам, уперев руки в колени и начала шумно дышать. Затем съехала вниз, закрыла глаза рукой и заплакала. Я сел рядом. Молчал,

чувствовал голый кожей предплечья, как трясется ее левая рука под тканью легкой ветровки. Потом она шумно вдохнула, вытерла нос рукавом, размазала слезы по все еще красным щекам.

— Спасибо тебе, Максим, — Она поднялась. Я тоже. По плечам рассыпались мурашки от звука моего имени ее голосом. Она потянулась за рюкзаком, я убрал плечо, оставляя отвоеванную сумку себе. — Мне надо идти, мама будет ждать.

— Я провожу. — Я кивнул, пропуская ее вперед. Она не двигалась с места. Только смотрела своими шоколадными удивленными глазами. Прямо на меня.

— Тебе не по пути, большой крюк.

— А я никуда не тороплюсь.

— Ты замерзнешь, вещи в школе оставил.

— Я закаленный, а вещи Серега заберет.

— У тебя баскетбол, среда же сегодня, — выпалила она, но тут же замялась, опустила ресницы и еще сильнее покраснела.

— Я пропущу, не страшно.

— Идти далеко, и там Гриша Емельянов и Таня Лузик рядом живут... И вообще ты как бы, ну, а я типа... В общем, увидеть нас могут вместе.

— Я сказал, что провожу, Архипова. Шагай уже, — проговорил раздраженно, сжал зубы и кулаки. Даже забыл минут на пять, какая же она невыносимая.

А еще невнимательная. Когда переходили дорогу, даже не заметила, что справа из дворов выезжал автомобиль. Я в последний момент схватил ее за руку, удержал на тротуаре. Она вздрогнула, качнулась на носочках на самом краю бордюра, отступила на два шага ко мне. Снова посмотрела прямо на меня, извинилась, улыбнулась. Я закатил глаза — не мог удержаться, — резко выдохнул, все еще за руку перевел ее на другую сторону дороги. Руки она не отняла. А за поворотом скользнула своими пальцами между моих и прижалась плечом посильнее. *Значит, знала про баскетбол в среду.*

Мы шли к ее дому самой длинной дорогой. Солнце садилось. Лужи на асфальте высыхали. Архипова по-прежнему бесила. Кислорода опять не хватало.